

СОЮЗ, МНОГОЕ ОБЕЩАЮЩИЙ

У Т Е Л Е Э К Р А Н А

Экранизация стала сегодня одним из самых распространенных видов телевизионного зрелища. Процесс экранного «прочтения» литературы приобрел поистине всеобъемлющий характер: в него включены писатели разных времен и народов, в том числе современные молодые авторы. В этой области есть и свои дости-

жения, и неудачи, есть и нерешенные вопросы. В беседе с нашим корреспондентом известный советский писатель ВЕНИАМИН КАВЕРИН на материале сегодняшней телевизионной практики размышляет о том, как складываются отношения литературы и телевидения, как совершенствовать экранизацию.

— Вениамин Александрович, предстоит премьера девяносто-летнего телефильма «Открытая книга», поставленного по вашей трилогии. Зрители помнят и другие экранизации ваших произведений на «малом экране». У вас как у литератора богатый опыт сотрудничества с телевидением и, вероятно, накопились какие-то наблюдения, обобщения...

— Прежде чем говорить об экранизации, следует выяснить, что мы понимаем под этим словом. По-видимому, речь идет о воссоздании литературного произведения на языке другого искусства. Но цели и средства такого воссоздания могут быть различными. Понятно стремление многих авторов экранизаций точно воспроизвести произведение, идя вслед за писателем. Порой подобная попытка сопровождается участием в работе автора, вплоть до его появления на экране в качестве персонажа «от автора». Но встречается и другой тип — так называемой «экранизации по мотивам», в результате которой может родиться новое, гармоничное произведение искусства, причем не только экранного искусства. Вспоминается пример с киновоплощением повести Ю. Тынянова «Подпоручик Киже». Музыку для картины написал С. Прокофьев. Фильм устарел, а композитор переработал музыку в сюиту. Впоследствии на основе сюиты был создан балет, который с успехом шел в Большом театре.

Перспективным представляется еще один тип экранизации, когда в кадре появляется комментатор, современный историк, объясняющий те или иные моменты исторической ситуации, быта, малознакомые сегодняшнему зрителю. Правда, такой прием чаще применяется не в экранизациях, а в оригинальных фильмах на исторические сюжеты, например, в итальянской ленте о Леонардо да Винчи.

— Вы ставите вопрос более широко — о воссоздании произведения в образной системе другого искусства. Пример с сюжетом Тынянова, на который вы ссылаетесь, интересен, но он в своем роде уникален, неповторим. В рождении сюиты из фильма вряд ли можно усмотреть какие-то закономерности. А вот экранизация с фигурой комментатора — это уже чисто телевизионный прием, позволяющий сознательно использовать средства «малого экрана». Но, наверное, не только подобный прием характеризует особенности именно телевизионного прочтения литературы?

— Конечно. Хотя я не слишком внимательный телезритель, но наблюдения, которые удалось накопить по поводу телеэкранизаций, позволяют сделать кое-какие выводы. Есть серьезные удаchi. Они не случайны и опирают-

ся на те возможности, какими по своей природе обладает телевидение в плане воплощения литературы и которые во многих отношениях превосходят аналогичные возможности театра и кинематографа.

Прежде всего многосерийность. Она позволяет глубоко раскрыть, проанализировать грани человеческого характера. Правда, пока это мало кому удается, нередко многосерийность используется бездумно и даже во вред. Между тем именно возможность постепенного, подробного раскрытия характера особенно привлекает в телеэкранизации. Речь идет не только о протяженности во времени, действие может происходить в течение дня, это неважно. Важно, что телевидение способно максимально приблизиться к прозе, к ее повествовательной структуре.

— Приближение к прозе сторонники телеэкранизации принимают по-разному. Одни считают, что на телеэкране проза не столько переводится в зрительные образы, сколько подается в виде повествования, «заново прочитывается». Телевидение воспроизводит не только внешний антураж, события, но прежде всего мысль, философию произведения литературы. Отсюда — важная роль, отводимая авторскому голосу или голосу героя, от лица которого ведется повествование. На этом принципе построена экранизация Толстого «Детство. Отрочество. Юность» или телеспектакль по «Острову в океане» Хемингуэя. Но есть и другой взгляд, согласно которому вмешательство авторского голоса в экранное действие — чужеродный прием, более свойственный жанру «литературных чтений», а не полноценной экранизации. Приверженцы такой точки зрения — за активизацию разговорной, диалогической формы телеповествования, основная нагрузка при этом ложится на актеров-исполнителей. Именно по этому пути пошли авторы телеэкранизации вашего романа «Два капитана», в котором события предстают с точки зрения героя, Сани Григорьева, а одна из глав написана «от лица» Кати Татариновой. В картине те же события поданы в «объективном» изложении. Выиграл или проиграл от этого фильм?

— Мне не очень повезло с экранизацией моих произведений как в кино, так и на телевидении. Наиболее удачно поставлен был «Школьный спектакль». Я сам читал вступление к повести и вел всю передачу. Конечно, совсем не обязательно, чтобы автор непосредственно выступал на экране, но в данном случае это было оправдано, так как повесть написана от лица героя, пожилого, опытного уже человека, и эту интонацию, как мне кажется, удалось сохранить. Теперь о фильме

«Два капитана». Думаю, что, если бы возможность приближения к прозе, о которой я говорил, возможность глубокого раскрытия характеров была в большей степени основана на самом романе, фильм много выиграл бы.

— В связи с этим хотелось бы затронуть еще одну, достаточно деликатную грань проблемы. Возражая против неоправданного произвола некоторых экранизаторов, мы в то же время не можем не признать, что перевод на язык кино, телевизионного искусства требует неизбежной ломки сложившейся художественной ткани вещи...

— Важно, чтобы экранизация преследовала цель сохранить самое ценное в первоисточнике, наглядно раскрыть перед зрителем его идейно-художественную актуальность. Мне кажется, огромные возможности и преимущества телевидения как средства приобщения людей к высокой культуре используются еще далеко не полностью. Так же, как не полностью используются в художественном телевидении выразительные возможности малого экрана, связанные, в частности, с его невиданными техническими преимуществами.

— Что вы имеете в виду?

— Хотя бы то, что телевидение может способствовать возникновению новых жанров. Мне вспоминается музыкальный телефильм «Фантазия», основанный на тургеневских «Вешних водах» и обогащенный балетом. На мой взгляд, этот эксперимент нельзя назвать удачным, но как путь, как возможность... Во всяком случае подобная постановка осуществима только на телевидении. Кстати, великие мастера кинематографа — Эйзенштейн, Довженко — никогда не останавливались перед рискованными жанровыми поисками. Почему бы, например, не использовать в экранизации пантомиму? Или известные преимущества немом кино, которые до сих пор применены лишь в некоторых грузинских короткометражках?

— Наш разговор касается экранизации. Но когда речь заходит о художественном отражении современной жизни, писатель и творческий работник телевидения, независимо от того, экранизирует ли он что-то произведение или снимает фильм по оригинальному сценарию, оказываются в сходном положении. Каждый из них стремится вызвать закономерности окружающей нас действительности и найти пути их художественного воплощения. Видите ли вы в этом направлении неиспользованные возможности?

— Здесь тоже необходимо учитывать особое положение, в котором находится телевидение, особое место, которое занимает оно в нашей жизни. Выход в театр или в кино —

это всегда маленькое событие. Телевидение же приходит к нам в дом. В этом есть свои издержки: вы в любой момент можете оторваться от экрана. Но вы не оторветесь, если перед вами глубокое, захватывающее художественное явление. Издержки, таким образом, отступают перед силой настоящего искусства. Я имею в виду умение художника увидеть, угадать, что происходит в духовном мире окружающих нас людей, перебросить своеобразный мостик с экрана в реальную жизнь. Мы радуемся, видя на экране живые штрихи, приметы сегодняшнего дня, знакомые детали быта. Но с экрана надо говорить не только об этом, а о гораздо более крупных проблемах!

В этом смысле, должен сказать, область художественного телевидения, посвященная современности, не радует. Многообразие, повторяющихся ситуаций, давно утомивших зрителя. Я бы мог, скажем, нарисовать примерную схему почти любой картины, в которой участвуют деятели науки. Я заранее знаю, что производственный момент должен вмешаться в личную жизнь, вызвать недоверие мужа или жены, привести к семейному конфликту и так далее. Между тем и в сфере семейной, личной, нравственной жизни существует бесконечное разнообразие, и мы могли бы посмотреть на нее более широким взглядом. Кстати говоря, в театральной драматургии в последние годы есть признаки подобного расширения. Почему бы этим опытом не воспользоваться более широко на телевидении?

Пока что телевизионные сюжеты из современной жизни недостаточно глубоки и серьезны, отличаются стремлением во что бы то ни стало увлечь зрителя внешней стороной дела, а не глубиной постижения жизни. И в этом отношении мне также видятся возможности, которые просто необходимо использовать. У нас почти не находят воплощения такая типично телевизионная идея, как цикл произведений с общим, «сквозным» героем. Я бы хотел увидеть на экране историю современного советского молодого человека, его нравственного самовоспитания, духовного поиска.

— Вернемся к началу нашей беседы. Своеобразие вашей позиции состоит в том, что, с одной стороны, вы как писатель представляете «интересы литературы», с другой — активно сотрудничаете с телевидением, знаете подноготную сложного процесса экранизации. Как вы оцениваете в целом плоды и перспективы контакта между литературой и «малым экраном»? Впрочем, ответ на этот вопрос во многом подсказывает ваше многолетнее сотрудничество с телевидением. И все же, что вы чувствуете перед новой, большой премьерой?

— Альянс литературы и телевидения следует признать плодотворным. Хотелось бы только, чтобы больше талантливых, творческих людей бралось за экранизацию, чтобы шире использовались те возможности, о которых мы говорили.

Естественно, перед премьерой «Открытой книги» я испытываю волнение. Картину поставил молодой, но уже достаточно опытный режиссер В. Титов, который мыслит смело и интересно. Это вселяет надежду, но с окончательными выводами подождем до выхода фильма в эфир.

Беседу вел
А. ПЛАХОВ.